

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пригород

Сейчас

Мы едем слишком быстро. И слишком близко к деревьям, задевая фарами растущие вдоль дороги сорняки. Сорняки шелестят и остаются позади.

— Нейт. — Я вцепилась в пассажирское сиденье. — *Нейт!*

Еще пятнадцать минут назад мы танцевали на вечеринке в честь окончания учебного года, скакали, положив руки друг другу на плечи, а я думала: *надо с ним порвать*. Потом он взял мое лицо в ладони и сказал, что любит меня, а я так опешила, что в ответ не смогла даже соврать.

Я вышла за ним из дома, прошла по лужайке и села в машину, продолжая повторять бесполезные слова, которые люди обычно говорят, когда ранили что-то эго — а тот, кого ранили, думает, что это не эго, а сердце. Нейт резко дал задний ход, ударил машину о бордюр, но я поняла, что он пьян, лишь когда мы проехали целый квартал.

На светофоре он стал возиться с телефоном. Секунды напряженно тикали. Я даже думала выпрыгнуть из машины. Потом он дал газу. Из динамиков лилась старая песня «Ясные глаза»*, и ветер уносил обрывки фраз. Мы свернули на однополосную дорогу,

---

* Песня Арта Гарфанкела. Здесь и далее примечания переводчика.

петляющую по заповеднику. Впереди смыкались деревья, мои волосы пушились и развевались на ветру. Я закрыла глаза.

Потом Нейт удивленно выкрикнул что-то нечленораздельное и резко выкрутил руль вправо. На миг мы оказались в невесомости, как на американских горках. Машину занесло, потом мы остановились. Меня качнуло вперед, и я сильно ударилась губами о приборную панель.

Я провела языком по зубам и почувствовала вкус крови.

— Какого черта, Нейт?

Нейт выключил зажигание, тяжело задышал, выгнул шею и посмотрел куда-то мимо меня.

— Ты это видела?

— Что?

Он открыл дверь.

— Я выхожу.

Машина остановилась на узкой обочине между дорогой и лесом.

— Здесь? Ты серьезно?

— Хочешь — оставайся, — бросил он и хлопнул дверью.

В подстаканнике стоял стаканчик из забегаловки с растаявшим льдом на дне. Я прополоскала рот, свесила ноги из машины и сплюнула кровь на траву. Пахло сырой землей, губу саднило.

— Эй, ты куда? — крикнула я.

Нейт скрылся за деревьями.

— Кажется, она пошла туда.

— Она? Кто «она»?

— Ты что, не видела? Она стояла посреди дороги. — Он замолчал. — Голая.

Я ахнула, представив, что должно было произойти, чтобы голая женщина оказалась одна в лесу в три часа ночи. Я пошла за Нейтом. Высокая жесткая трава царапала лодыжки.

— Ты ее узнал? Она была ранена?

— Тихо, — сказал он. — Смотри.

Мы стояли на возвышении у ручья, бегущего меж деревьев. Он наполнялся после дождей и мог обмельчать, а мог стать достаточно глубоким, чтобы плавать на каяках. Сейчас глубина была средней, примерно по пояс. Ручей бурлил под ущербной луной. Я угадала его глубину, потому что увидела девушку, за которой мы шли. Она стояла в ручье на коленях, и вода доходила ей до лопаток.

Она и впрямь была голая. Длинные, разделенные прямым пробором волосы колыхались в воде. Я не видела ее лица, но кожа у нее была бледная и почти светилась. Как будто она упала со звезды на землю или вышла из трещины в скале. Ни обуви на берегу, ни мобильного телефона или брошенной рубашки. Как сон наяву.

Ее руки скользили по телу, но без намека на чувственность: она щипала и похлопывала себя по бокам, словно пытаясь вернуть коже чувствительность. И издавала утробные звуки. Даже не знаю, как их описать. Плач, наверное.

Я почти забыла про Нейта, но он толкнул меня локтем под ребра и улыбнулся коротко и зло. Включил фонарик на телефоне и выставил руку, словно держа в ней горящий факел.

Голова девушки резко дернулась, и я увидела, что она примерно нашего возраста, может, чуть старше; зрачки расширены, а губы... Губы искривлены в улыбке. Она не плакала. Она смеялась.

Нейт хотел подчеркнуть ее уязвимость, но я знала, что на самом деле он хотел уязвить меня. Светить фонариком на девушку было подло, а ему сейчас хотелось быть подлым и злым. Я могла уйти, но представила себя на месте этой девушки и поняла, что она испугалась бы одинокого парня — то ли дело парень и девушка. И вдруг ей нужна помощь? Я уже готова

была спросить, нужно ли ей помочь, когда она заговорила.

— Выходите. — Ее голос был низким, певучим. Она говорила со странным акцентом. Следующие слова прозвучали почти как песня: — Кем бы вы ни были — покажитесь, не прячьтесь.

Она поднялась из ручья, как лесная Венера. Грязная речная вода текла по волосам и телу. Между ног у нее темнели целые заросли, как у хиппи семидесятых, и в них сверкали капли. Вдруг она засвистела, пронзительно и громко.

— Покажитесь, черти! Я к вам обращаюсь.

Она была голая, одна и не могла нас видеть, но испугались почему-то мы. Нейт тоже почувствовал перемену в равновесии сил и задрожал.

— Ну ее к черту, — процедил он.

Девушка вышла на берег. Высокая, худая, длинные русалочьи волосы шторкой занавешивали лицо. Но меня поразило, как она держалась; казалось, ее совсем не смущало, что она обнажена, словно она была птицей или ребенком.

Внезапно и резко она подняла руки и растопырила пальцы, как дирижер перед оркестром. Мы вздрогнули, приготовились; казалось, что-то должно было произойти. Когда ничего не случилось, Нейт нервно рассмеялся.

Она упала на четвереньки. Неотрывно глядя на нас, принялась шарить руками по земле, пока не нащупала палку, толстую и длинную. Подняла ее и встала. Нейт чертыхнулся, сунул телефон в карман, и девушка замерла, хотя уже двинулась в нашу сторону. Фонарик погас, теперь она нас видела.

— Айви, пойдем, — пробормотал Нейт.

— Айви.

Девушка повторила мое имя. В ее устах оно прозвучало холодно, тяжеловесно. Я прищурилась: вдруг я ее знаю?

— Ты чего застыла? Пошли! — Нейт так сильно дернул меня за руку, что плечо заболело. И ушел, чертыхаясь на ветки, хлеставшие его по лицу, и колдобины под ногами.

На мне была майка и застиранная кофта из секонд-хенда, тонкая, почти прозрачная. Я сняла ее и бросила девушке, а потом последовала за Нейтом.

— Спасибо, Айви, — сказала она, когда я была уже далеко.

Я вышла на дорогу; Нейт уже сидел в машине и нетерпеливо барабанил по рулю.

— Садись! — скомандовал он.

Испуганная, растерянная, я послушалась. Он повернул ключ в зажигании. Загромыхала музыка, и мы одновременно потянулись к выключателю, а потом отдернули руки, словно прикосновение могло обжечь.

Я заговорила, лишь когда мы выехали из чащи.

— Эта девушка... Слышал, как она произнесла мое имя?

Он пожал плечами.

— Думаешь, она меня знает? — не унималась я. Вряд ли я смогла бы забыть девушку с такой характерной внешностью и кожей цвета высосанного до-суха лимона.

— Почему я знаю, — угрюмо огрызнулся Нейт.

Я повернула зеркало, осмотрела губу и тихо выругалась. Губа распухла, как половинка абрикоса.

Остаток пути мы проехали в вязкой тишине. Когда Нейт остановился в конце дороги, ведущей к моему дому, я потянулась к пассажирской дверце. Она оказалась заперта.

Я резко обернулась к нему.

— В чем дело?

Он включил свет и ахнул.

— Ого, как сильно ты ударилась. Слушай, прости. Ты нормально себя чувствуешь?

— Отлично. Выпусти меня.

— Хорошо, но... — Он судорожно сглотнул. — Что скажешь маме?

Я вытаращилась на него. Сигарета за ухом, длинные ресницы — при виде этих ресниц женщины маминого возраста улыбались и говорили: *надо было тебе девочкой родиться, с такими-то глазками*. Я беспомощно рассмеялась.

Он напрягся.

— Что смешного?

— Ты. Ты что, боишься мою маму?

— И что такого? — выпалил он. — Ты тоже ее боишься.

Я вспыхнула и отвернулась. Разблокировала дверь, но он опять ее заблокировал.

— Нейт! Выпусти меня. Сейчас же.

В окно с его стороны забарабанили кулаком.

Нейт подскочил; глаза расширились от страха. Он, верно, думал, что это мама. Но стучал мой сосед, Билли Пэкстон.

Я взгляделась в его лицо. Он жил напротив, но мы никогда толком не разговаривали. Особенно после одного неприятного случая в начале старших классов, вспоминая о котором, я до сих пор немела от стыда и хотела провалиться сквозь землю. Билли тоже был сегодня на вечеринке, но я весь вечер притворялась, что не замечаю его.

Нейт опустил окно и коснулся уха проверить, не выпала ли сигарета.

— Что надо, чувак?

Билли проигнорировал вопрос.

— Айви, ты в порядке?

Я потянулась к водительскому окну.

— Да. Все хорошо.

Билли зажал рукой рот. Его предплечье было испачкано белой краской.

— Это он с тобой сделал?

— Шутишь, что ли? — проревел Нейт.

Мне вдруг показалось, что я сейчас заплачу. От боли, сказала я себе. И от испуга – адреналин выветрился, вот и слезы на глазах.

– Нет, нет. Это машина... резко повернула. Со мной все хорошо.

Билли пристально смотрел на меня. Он был высокого роста, и ему пришлось согнуться почти пополам, чтобы заглянуть в машину.

– Я здесь, если что. – Он показал на крыльцо. – На всякий случай.

– Спасибо за помощь, – саркастически процедил Нейт, но не раньше, чем Билли отошел.

Я резко открыла дверь, с треском захлопнула ее и обернулась.

– Между нами все кончено, – выпалила я.

– Да что ты говоришь, – ответил Нейт и втопил педаль газа.

Я осталась на тротуаре. Губа болела, от усталости меня трясло, но я чувствовала себя легкой, как перышко, и ощущала эйфорию свободы.

Билли кашлянул. Он ждал на крыльце в напряженной позе и по-прежнему смотрел на меня. Я смущенно помахала ему.

– Извини, – сказала я.

– За что?

Он так тихо это произнес, будто я и не должна была слышать. И я уже хотела не отвечать, но боль в губе – пронизывающая, назойливая – заставила меня повернуться.

– Извини, что ты решил, будто должен вмешаться. – Мои слова прозвучали резче, чем я хотела.

Билли сверлил меня взглядом. Потом встал и покачал головой.

– Больше не буду, – сказал он и скрылся в доме.

Я посмотрела на темные окна второго этажа. Через минуту в одном из них загорелся свет, и я отвернулась. В животе плескалась дешевая водка, а на серд-

це тяжелым грузом легли сожаления. Пора спать, решила я. Пока еще что-нибудь не случилось.

Медленно, стараясь унять дрожь, я отперла входную дверь, чуть-чуть приоткрыла ее и, затаив дыхание, протиснулась внутрь. И тут же, забыв об осторожности, сдавленно вскрикнула — на лестнице сидела мама.

— Мам! — Я опустила голову и прикрыла рукой распухшую губу. — Ты почему не спишь?

Она наклонилась, и лунный свет, проникавший в окно над дверью, осветил ее лицо. Огненно-рыжие волосы стянуты в узел, взгляд острый, как булавка.

— Плохой сон, — ответила она и вскочила, увидев мою губу. — Что случилось? Авария?

Губа пульсировала, как второе сердце.

— Нет. Все в порядке. Аварии не было...

Я физически ощущала на себе ее взгляд.

— Расскажи. Расскажи, как все было.

— Нейт... слишком резко повернул, — ответила я. — Машина съехала на обочину.

— А потом?

Я подумала о незнакомке в лесу, вспомнила, как та похлопывала себя по бокам, белым, как мел.

— А потом ничего. Домой поехали.

— И все? Больше ничего не было?

Я коротко кивнула.

— Ну ладно. — Ее расспросы меня нервировали. Вдруг уголки ее губ поползли вверх. Она заговорщически улыбнулась. — Нейт был пьян?

Меня качнуло, я задумалась. Сейчас она пугала меня куда больше, чем минуту назад, когда была недовольна.

— Угу.

Она коротко кивнула: мол, так я и знала.

— Иди к себе. Ступай.

Я прошла мимо нее, поднялась по лестнице и вошла в свою комнату. Не стала включать свет, рухнула

на кровать и закрыла глаза. А когда открыла, мама стояла у кровати и держала пакет со льдом в левой руке, той, что была покрыта шрамами. Она приложила его к моей губе.

— Головой не ударилась? — К ней вернулось самообладание, она словно спрашивала, который час. — Сотрясения мозга точно нет? Только не ври.

Я прижалась к холодному пакету. Когда она в последний раз так за мной ухаживала? Я попыталась вспомнить, но тьма в голове бушевала, как океан.

— Голова в порядке, — пробормотала я. Я находилась в том ужасном пограничном состоянии, когда человек еще пьян, но уже страдает от похмелья. — Говорю же, ничего страшного. Нейт даже не ударился.

— Он-то не ударился, — ее тихий голос дрожал от ярости, — а вот моя дочь похожа на боксера.

— Дана. — Отец вдруг возник на пороге, закрыв собой свет из коридора, положил руку ей на плечо. Я пыталась не щуриться, когда он подошел, а мама отступила в тень. — Чему мы тебя учили? — сказал он. — Ты зачем села с пьяным в машину?

— Не знаю.

Он тяжело, по-родительски вздохнул.

— Надоели твои отговорки. Ты хоть понимаешь, чем это могло кончиться?

Мой взгляд цеплялся за потолочный вентилятор, вращавшийся над его плечом. Я сонно пыталась сосчитать лопасти.

— Не знаю, — повторила я. — Чем-то плохим?

Я не хотела дерзить, но он так не думал. Терпеливым и недовольным тоном он продолжал свою тираду. И когда закончил объяснять, какой я была дурой, я уже почти спала. Я провалилась в темноту и оставалась там до утра, а в первый день летних каникул встала с похмельем и разбитой губой.

В глубине моей памяти зрела тайна. Но девушку из воды я вновь увидела лишь через несколько дней.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Пригород

Сейчас

Зазвонил телефон. Звук проник в мои сны, смешавшись со скрипом тормозов машины Нейта, с криком, по-прежнему звеневшим в моих ушах, с кличем ночной птицы, что парила в вышине и преследовала меня, пока я бежала по черному лесу за девушкой, бледной, как упавшая звезда. Наконец звонок вернул меня в реальность, и сон отступил, как соленое море.

Я лежала и моргала, прогоняя образы из сна. Сны я всегда забывала. Всегда. Никто мне не верил, но я не лгала. Прежде чем ответить, я одним глазом взглянула на экран.

— Смотри-ка, да ты жива. — В трубке раздался едкий и звонкий голос Амины. — Пятнадцати сообщений мало? Надо было двадцать прислать?

— Не кричи, — поморщившись, проговорила я. Во рту все болело. Мир спросонья казался подернутым вазелиновой пленкой. — Я вчера поздно легла.

Я залпом выпила стоявший у кровати стакан воды, потом рассказала лучшей подруге обо всем, что случилось вчера. Вечеринка, ссора, девушка на дороге. Неудачная попытка проскользнуть в дом незамеченной. Я рассказывала ей про Нейта и чувствовала, как она закипает.

— Я его прикончу! — выпалила она, когда я договорила. — Видела, что он вчера пил? Абсент, — с притворным ужасом сказала Амина. Ее хлебом не корми, дай посплетничать. — Хотя, возможно, это была водка с зеленым красителем, но все же. С тобой точно все в порядке?

— Все нормально. Правда.

— Ну да. У тебя и голос такой. Как будто все нормально.

Я не поняла, к чему она клонит.

— И что? Что-то не так?

— Нет, но... я думала, ты разозлишься. Я бы на твоём месте разозлилась. Он мог тебя угробить.

— Я злюсь, — ответила я.

Я ведь злилась? Осторожно, словно ковыряя больной зуб, я сверилась со своими чувствами. Амина вздохнула.

— Ну да ладно. Все равно Нейт козел. Говоришь, мама ждала тебя на лестнице? Ругалась?

Я потерла глаза.

— Да не особо. Почему вы все ее боитесь?

Амина замолчала, и я сначала решила, что она сейчас отшутится, возразит. Но когда она заговорила снова, ее голос был мрачным. И серьезным.

— Ты же знаешь, что всегда можешь прийти ко мне и переночевать? Если вдруг понадобится.

Я и так практически жила у нее. Раньше по субботам мы по очереди ночевали друг у друга, но пару лет назад она стала придумывать отговорки, чтобы не оставаться у меня. Амина во всем любила порядок — у нее была особая система многоступенчатого ухода за кожей, от которой она не отклонялась ни на шаг, она пила только один сорт чая, который умел заваривать только ее отец, и засыпала исключительно на своих двух подушках, которые приносила с собой. Так что я настаивать не стала. Но сейчас, услышав ее слова, нахмурилась.

– Да, знаю. Но с чего мне это вдруг может понадобиться?

Она снова замолчала, а потом произнесла:

– А девушка, которую ты видела – она правда была голая? То есть, совсем?

Я подозрительно прищурилась: с чего это она так резко сменила тему? Но допытываться не стала.

– Ну да, – ответила я.

– И стояла посреди дороги?

– Наверно. На дорогу я не смотрела, слишком волновалась, что мы умрем.

– Я его прикончу, – ледяным голосом повторила она.

– Вставай в очередь. Мой папа тоже хочет.

– И мама. Она и труп поможет спрятать при случае.

– Сначала сама убьет, потом поможет спрятать.

– А знаешь, что мне больше всего понравилось? – хитро произнесла Амина. – Когда твой красавчик-сосед явился тебе на подмогу.

– Амина, – предупреждающе проговорила я.

– Что?

– Не беги впереди поезда.

– Я никогда не бегу впереди поезда.

Я рассмеялась.

– Пожалуй, я еще посплю. Люблю тебя.

– И я тебя, – ответила она.

Не успела я отложить телефон, как на экране появилось сообщение от Нейта.

Зачем я трачу
Драгоценные минуты
На тех, кому совсем нет дела
До меня

Хайку из Инстаграма или текст грустной песни? Я не стала гуглить – он небось только этого и ждал, – но разозлилась и уснуть уже не смогла. Изменила его имя в списке контактов на «НЕТ» и пошла в ванную

посмотреть на губу. Мой братец Хэнк зашел, почесывая голую грудь, а увидев меня, остановился и замер.

— Что случилось? — Он встал рядом и стал разглядывать мою губу в зеркале. — погоди, так вот почему папа орал на тебя посреди ночи?

Я, прищурившись, взглянула на него в зеркало.

— Спасибо, что поинтересовался, все ли у меня в порядке.

— Вообще-то, я пришел тебя поздравить. Наконец ты навлекла на себя гнев родителей! Но я-то думал, ты хоть повеселилась вчера. — Он уставился на мое отражение. — Знаешь, на кого ты похожа? На ту смешную собачку наших соседей, когда она съела пчелу и у нее раздулась морда. Ты хоть не пострадала? Что с тобой случилось?

Я отпихнула его от раковины.

— Пчелу съела. Хватит вонять на меня своим дыханием, а то мне голову мыть придется.

Хэнк выдохнул мне прямо в макушку, загоготал и ушел. Меньше недели назад он вернулся домой из колледжа, закончив первый курс, а я уже была сыта по горло. Он съедал всю еду из холодильника, а если его просили что-то сделать — убрать ботинки, помыть тарелку, — ныл, что у него каникулы. Мне бы никто никогда не позволил так себя вести.

— Айви, ты спишь? — позвал папа с первого этажа. — Спустись на секунду.

Он стоял, опершись о столешницу, в своих ужасных велосипедных шортах из спандекса, и ел мюсли. Когда я вошла, он улыбнулся и тут же поморщился.

— Ох, милая, твоя губа! Вот мелкий ублюдок.

Я пожалала плечами. Нейт и впрямь был мелким ублюдком, тут не поспоришь. Например, он не вносил неправильных ударений в слова, и стоило ошибиться, накидывался на тебя, как кот на таракана. В середине разговора мог вытянуть палец вверх, достать блокнот и начать записывать, а я стояла ря-

дом, как дурочка. «Прости, — с притворно виноватой улыбкой говорил он. — Возникла идея для рассказа.» Однажды я заглянула в его блокнот и прочла одну из таких «идей». «Волшебный остров, где умирают все мужчины, кроме одного. Становится объектом сексуального поклонения/богом?».

Но в нашей школе в него были влюблены все девочки. И когда он пригласил меня пойти с ним куда-нибудь, я, естественно, согласилась. У него заранее сложился мой выдуманный образ — не так уж хорошо быть тихоней, люди думают, что все о тебе знают. Но мне это нравилось, хотя я не признавалась в этом даже Амине. Мне нравился этот выдуманный образ. Нейт думал, что я на самом деле крутая, а я лишь притворялась; думал, я молчаливая, а я на самом деле просто боялась ляпнуть что-нибудь не то.

Папа, должно быть, принял мою гримасу за похмелье, потому что вручил мне свою чашку кофе.

— Давай обсудим то, что случилось вчера.

— Я была неправа, — с ходу выпалила я. С папой было легко, он просто хотел, чтобы мы брали на себя ответственность за свои действия. Хэнк готов был оправдываться до посинения, но я научилась папе подыгрывать. — Но я не знала, что Нейт выпил. Мы договорились, что он будет трезвым водителем.

Папа кивнул.

— Для начала неплохо, но ты все равно должна держать ухо востро. Ты сама должна за всем следить, никто за тебя это не сделает. И то, что случилось вчера... — он покачал головой. — Милая, на тебя это совсем не похоже.

Я могла бы согласиться и уйти. Но мне почему-то стало обидно. Может, потому что я только что думала о Нейте и его выдуманном представлении обо мне. Неверном представлении.

— Не похоже на меня? — спросила я. — А что, по-твоему, на меня похоже?

— Я просто хочу сказать, что нам повезло. Девочка нам досталась умная. Переживать за тебя не стоит. В отличие от твоего братца. — Он наклонил голову и скорчил смешную гримасу, видимо, подразумевая, что, когда мальчики попадают в беду, это весело. То ли дело девочки.

— Не перехвали ее, Роб. Она еще доведет тебя до инфаркта. Раз двадцать.

У входа в подвал стояла мама. Мы с папой вздрогнули — не слышали, как она вошла. Ее волосы были распущены, а белок левого глаза покрыт тонкими красными сосудиками, словно кто-то прошел его красной нитью.

— Дана, — отец шагнул ей навстречу, — что ты делала в подвале?

Она проигнорировала его вопрос.

— Айви, как губа?

Обезболивающее пока не подействовало. Губа сильно болела.

— Нормально, — соврала я.

Мать подошла ближе и осмотрела мой ушиб. Она стояла слишком близко. От нее странно пахло. Резко и пряно, какой-то травой. Но в сад она пока не выходила — в такую-то рань.

Она сверлила меня взглядом.

— Сегодня никуда не пойдешь.

— Что? Почему?

— Ты наказана, — она испытующе взглянула на меня и перевела взгляд на отца. В вопросах воспитания она всегда ему уступала, но вела себя при этом насмешливо, иронично, будто мы — детишки из песочницы, которых нельзя принимать всерьез.

— Я наказана? — Я повернулась к папе.

Он неуверенно взглянул на меня.

— Если мама сказала...

— Но ведь каникулы! Я ничего не делала!

— Ну... ты села в машину с пьяным водителем.

— Я не знала, что он пьян!